
Сергей Яковенко
УМКА

Сергей Валериевич Яковенко
Умка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73257923
SelfPub; 2026

Аннотация

Мать привозит маленького Пашку к отцу в деревню. Пора на промысел, и ребёнок этот ему как кость в горле. На следующий день отец берёт Пашку в тайгу и… смотрит, как сын уходит всё дальше и дальше в лес. Один. В пять с небольшим.

Содержание

Пролог 4
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Сергей Яковенко
Умка

Пролог

Лето в тот год сворачивалось рано. Ещё неделю назад стояла жара и от мошкары не было спасения, а уже в последнюю декаду августа на Хартын-Алынью упали первые заморозки. Для промысловика это значило только одно: пора снаряжать лодку и выходить по открытой воде в тайгу, чтобы успеть подготовить зимовья, пока Енисей не встал на зиму.

Андрей с говорящей фамилией Ненужный был хоть и молодой, но уже опытный соболятник. Позади – шесть удачных сезонов. За эти годы промысел превратился в единственный способ заработка. Труд тяжёлый, но поменять его на что-то другое было уже невмочь. Увела и влюбила в себя тайга, будто ведьма. И спасу не было ему от тех тягучих летних месяцев, когда приходилось справляться по домашнему хозяйству и заниматься подготовкой к сезону.

Порой он и сам себя понять не мог. И баба вроде есть. И ведь хорошая баба! Верная, хозяйственная, принципиальная. Для промысловика, на полгода уходящего в тайгу, иной и не надо. Да только жизнь полной грудью удавалось вдохнуть лишь в одиночестве.

А она… Что она? Чай не дура. Видит, как рвётся мужик из дому. Изводится весь, осени ждёт. И ей от этого самой невмочь. Потому, когда заморозки ударяли, она радовалась за мужа, украдкой утирая слёзы. Соберёт тормозок, проводит взглядом уходящую лодку, приберётся в доме, поплачет тихонько, выдохнет одним разом всю горечь и обиду – и в руки себя берёт. Ни слезинки больше не уронит. Ждёт.

Уж что-что, а ждать она умела. На том и крепла семья, на том держалась. Срослись две одинокие души, которым врозь – тоска и вместе – тягость. И ничего другого им не надо.

С детьми, правда, вот не выходило. Не дал Бог пока. Но ни он, ни она веры не теряли. Ждали, любили что было времени и сил, надеялись.

Андрей понимал, что и не нужны ему особо эти дети. Жене вот только тоскливо одной всю зиму. Тяжко. Вот ей бы не помешала пара-тройка крикливых и сопливых. А ему…

Потому первые заморозки были как спасение. Как колокольный звон, отрывающий от муторного, гнетущего сна. Первый звоночек, указывающий, что пора готовиться к настоящему промыслу. Пора выезжать на свой участок, в несколько ходок завозить провизию в зимовья, чтобы в сентябре вернуться и остаться в тайге уже до весны.

За окнами стемнело. На утро запланирован выход на реку. Лодка подлатана и проверена, провизия упакована, поняга собрана. Андрей уже заканчивал со снаряжением, когда услышал на крыльце знакомые шаги. Они с Анной женаты

седьмой год, и её шаги он не спутал бы ни с чьими. Анна вошла, в доме сразу повисла необъяснимая тревога. Она запыхалась и тяжело дышала. Лицо её и поза подсказывали, что случилось что-то неладное.

– Чего там? – не выдержал Андрей тягостного молчания жены. – Да говори уже! Не томи!

– Там к тебе эти… – она махнула рукой через плечо. – Крутые какие-то. На джипе.

– Какие крутые? – не понял Андрей. Тревога усилилась. В ответ жена только пожала плечами и отёрла ладони о фартук.

Не хватало ещё незваных гостей перед самым выходом. На джипах в здешних краях ездят либо бандиты, либо инспектора из охотнадзора. Ни от тех, ни от других хорошего ждать было нечего. Ненужный отставил понягу и вышел во двор. Сквозь щели дощатого забора виднелся голубоватый свет фар. Автомобиль урчал незаглушённым двигателем.

Распахнулась передняя пассажирская дверь, и на траву ступила миниатюрная женская ножка в красной туфле на шпильке. Андрей даже хрюкнул от удивления. В их деревне такие ноги, да ещё в такой обуви, и не ходили-то никогда.

Из машины вышла блондинка в бежевом плаще. Её губы сияли ярко-красной помадой, а кожа на лице напоминала тёплый воск. Женщина ступала неуклюже, увязала каблуками в мягкой земле, но ни разу не взглянула под ноги, а всё неотрывно всматривалась в лицо Андрея. Слепящий свет фар не позволял в полной мере разглядеть гостью. Но

чем ближе она подходила, тем больше крепла уверенность, что это именно та, о ком Ненужный старался не думать последние годы.

– Боже, я тебя не узнала. – Она залилась незлым, весёлым смехом. – Такой дядька солидный. Борода! Офигеть просто. Тебе идёт.

Она улыбнулась, подошла вплотную и чмокнула его в щёку.

– Привет, Андрюш!

– Привет, – бросил он, стараясь, чтобы это слово прозвучало как можно тише. Он обернулся и заметил, что на крыльце стоит Анна. Она внимательно изучала гостью, высоко задрав подбородок.

– Твоя? – шёпотом спросила блондинка и вскинула брови.

– Чего надо?

– Ужас! Ты не меняешься, Ненужный. Ты что, даже в дом не пригласишь?

– Я не звал гостей. Чё тебе надо? – Он говорил тихо и быстро.

Женщина наконец стёрла натянутую улыбку, и Андрею даже показалось, что выражение её лица сменилось на виноватое. Она огляделась, вздохнула и пробормотала:

– Приехала сказать, что у нас с тобой есть сын.

В одно мгновение по телу прокатилась волна жара, но внешне он этого не выказал. Лишь бросил короткий взгляд на урчащий внедорожник и до боли стиснул зубы.

– Всё?

– Не всё! – В её голосе появился хорошо знакомый металл. – Ты даже не спросишь, как его зовут?

Андрей снова обернулся. На этот раз на крыльце уже никого не было. Он скривился, но всё же спросил:

– Как?

– Павел. – Она снова натянуто улыбнулась.

– Хорошее имя. Поздравляю. Чё ещё?

Она сунула руки в карманы плаща и сощурила глаза, всматриваясь в даль, в темноту, туда, где тяжёлым потоком шли чёрные воды Енисея. Затем, будто опомнившись, снова посмотрела на Андрея.

– Мне уехать надо. За границу. Замуж выхожу. Пашку оставить не с кем. Ты – отец. Так что вот…

От такой наглости Ненужный оторопел.

– Ты охренела, что ли?

– Ты тон-то выбирай! – Взгляд блондинки стал колючим, как сибирский мороз.

– А ты головой-то думай, что говоришь! – Андрея трясло от гнева.

– Я уже и без твоих подсказок всё обдумала. Уеду, обоснуюсь, потом за ребёнком вернусь. Не облезешь, если год-другой за собственным сыном присмотришь.

– За чьим сыном? Я его в глаза не видел! Не знал даже, что у тебя ребёнок! С чего ты взяла, что он вообще мой?

– У нас ребёнок, Ненужный. Не у меня, а у нас. Если го-

ворю – значит, знаю. У меня тогда, кроме тебя, никого не было…

– Конечно, не было! – перебил её Андрей. – Потому, наверное, и ушла из дому!

– Не язви! Оправдываться перед тобой не собираюсь. И обсуждать ничего не буду. Сын твой, вот и воспитывай. Папаша…

Она обернулась и выкрикнула:

– Павел, подойди!

Из внедорожника никто не вышел. Она снова позвала. Щёлкнул замок, приоткрылась задняя дверца.

– Пошла вон отсюда, – сквозь зубы процедил Ненужный.

Женщина на его слова никак не отреагировала, а только прикрикнула:

– Ну, долго ты там? Вылезай!

Андрей подхватил её под руку и рывком потащил к машине. Та брыкалась и упиралась, но всё же шла.

Открылась водительская дверца, и на траву выпорхнул худощавый мужик интеллигентного вида. В правой руке он держал помповое ружьё. Мужик передёрнул затвор и коротко бросил:

– Эй!

Андрей отпустил блондинку. Та поправила смятый, перекошенный плащ, сдула с лица прядь волос и с ненавистью уставилась на отца собственного ребёнка. Ненужный ничего не сказал. Он молча вернулся во двор и затворил за собой

калитку. Немного подумал, сходил в дом за ружьём, зарядил и снова вышел из двора.

Пахло выхлопными газами. Габаритные огни внедорожника мелькали вдали. На том месте, где недавно была машина, теперь стоял маленький темноволосый человек лет шести в джинсах и синем свитере. Он смотрел на удаляющийся автомобиль и тихо плакал. Рядом лежали пакеты, из которых выпали детские вещи. Андрей прислонился спиной к воротам, поставил рядом ружьё и, присев на корточки, закрыл глаза. Мальчик был его уменьшенной копией.

– Привет, – тихо сказал Пашка, всхлипывая и утирая слёзы.

– Привет. – Андрей продолжал сидеть с закрытыми глазами, словно боялся смотреть на сына.

– Я Паша Ненужный. Ненужный – это такая фамилия. А так я нужный. У меня бабушка умерла.

– Соболезную.

– А?

– Плохо, что умерла, говорю.

– Да. Плохо. Она заболела кашлем, а потом умерла. Её на кладбище похоронили.

– Все умирают.

– Да. Я знаю.

Пашка подошёл к отцу и присел рядом.

– А я у тебя теперь буду жить?

– Не знаю, – честно ответил Андрей, открыл глаза и по-

смотрел на мальчишку. – Тебе лет-то сколько?

– Шесть. Я скоро в школу пойду. Осенью. А ты мой папа?

Андрей снова закрыл глаза и прислонился затылком к забору. Ему не хотелось говорить, не хотелось отвечать на вопросы. Он просто хотел лечь спать, чтобы утром уйти в тайгу. А ещё он не знал, как теперь смотреть в глаза людям, не говоря уже о собственной жене.

– Слушай, малец. Ты же помнишь, где живёшь, да? Найти сможешь?

Он закивал.

– Солнечная, пять. Там моя бабушка живёт. Только она уже умерла.

– А мать твоя где живёт? Знаешь?

На этот раз Пашка отрицательно покачал головой.

– Мама с нами не живёт.

– Так ты с бабушкой жил, что ли?

– Да. С бабушкой Таней.

– Вот сука, – процедил Ненужный.

– Ругаться нехорошо.

Андрей помял густую бороду, вздохнул и встал. Пашка последовал за ним. Ростом он был ему чуть выше пояса и глядел снизу вверх.

– Ты такой большой, – улыбнулся мальчик, – и с бородой. А она сама выросла?

– Сама.

– А у меня тоже вырастет?

Ненужный не ответил. Вместо этого просто погладил мальчишку по волосам и собрал в пакеты рассыпанные вещи.

– Идём, подкидыш.

Пашка без разговоров последовал в дом. От слёз на щеках не осталось и следа.

Анна строчила на швейной машинке и делала вид, будто не замечает вошедших. Андрей бросил пакеты у порога и помог мальчишке разуться. Тот поздоровался, робко прошёл в дом, уселся на табурет.

Ненужный сел на кровать. Анна продолжала строчить.

– Это бывшая моя, – сам не узнавая собственного голоса, сказал Андрей.

Жена молчала.

– У неё сын от меня. Я не знал.

– Мои поздравления, – с наигранным спокойствием процедила та, не отрываясь от дела.

– Ты хоть внимание-то обрати! Человек к нам в дом пришёл!

– Ой, и правда! Что же это я?! Простите, пожалуйста! – всплеснула ладонями Анна и обернулась, растягиваясь в искусственной улыбке. – Счастье-то какое, Андрюша! Теперь у нас хоть семья-то на семью станет похожа! А что? Мама, папа и вот… сын! Здорово! Никогда не знаешь, откуда столько счастья привалит. А тут на тебе! И главное – рожать-то самой не надо. Вот он – готовенький сидит.

Пашка хихикнул:

– Меня Паша зовут.

– Ой, и даже имя выдумывать не надо! За тебя уже назвали. Павел Андреевич, получается. Звучит? А? Муж! Чё молчишь-то?

Пашке поведение незнакомой тёти показалось забавным. Она смешно качала головой и жестикулировала. Но, взглянув на папу, он заметил, что его такое поведение нисколько не веселит, а даже наоборот – сердит. И Пашка на всякий случай улыбаться прекратил.

– Не язви. Самому тошно, – выдавил Андрей, но Анна не унималась.

– А похож-то как! Ну весь в отца! И глазки-то карие, и даже волосинки – все одна в одну твои! Ну не прелесть ли? Ни у кого же сомнений даже не будет. Точно сын! То-то все в селе обрадуются! Зауважают! Шутка ли? Ненужный отцом стал! Не нагулял, не наблудил. Всё честь по чести – нарожал! Мо-ло-дец!

– Да что ты цирк-то устраиваешь?! – рявкнул Андрей, и Пашке снова захотелось плакать. А ещё больше захотелось домой, к бабушке. – Я виноват, что ли? Мальцу седьмой год! До тебя это было! Она не говорила, что брюхатая. А потом в Москву улетела. Ты же знаешь всё! Какого лешего душу вынимаешь?

Анна встала из-за швейной машины, надела галоши и вышла из дому. Андрей долго сидел не говоря ни слова. Пашка тоже молчал. Он боялся, что папа будет и на него кричать.

А ещё ему было интересно, как работает та машинка, которой тарахтела тётя. Пашка уже даже хотел подойти поближе, чтобы рассмотреть механизм, но папа встал с кровати, подошёл к навесному шкафчику, достал бутылку и стакан и налил водки. Выпил, не закусывая. Снова налил и снова выпил. Затем вернулся к кровати, лёг, отвернулся к стене и замер.

Пашка сидел, не зная, что делать дальше. Тётя не возвращалась. Папа начинал храпеть. На тумбочке тихо тикали часы. Он тихонечко встал и, скрипя половицами, прокрался к швейной машине. Снаружи послышались шаги. Пашка вздрогнул и пулей метнулся обратно к табурету.

Вернулась смешная тётя. Разулась и, не обращая внимания ни на Пашку, ни на папу, ушла в другую комнату. Скрипнула кровать. Шорохи в доме полностью стихли. Пашка остался в одиночестве. Осмелев, он прошелся по комнате, рассматривая разные диковинные вещички, пару раз зевнул и прилёг рядом с папой на краешек высокой кровати. Хотелось есть, но ничего съестного на столе он не нашёл, а будить грозного папу было страшно. Так и уснул одетый, прислонившись к широкой отцовской спине. А утром проснулся от того, что папа снова ругался с тётей.

Она суетилась, бегала из комнаты в комнату и собирала вещи в чемодан.

– Ты чё творишь-то? Ты чё творишь?! – возмущался Ненужный. – Река не сегодня завтра встанет! Зимовья пустые! Если в сезон не выйду – с голоду издохнем к едрене

фене!

– Так ты поезжай, Андрюша! Поезжай! Снаряжай зимовья-то!

– Чё ты дуру-то из себя корчишь? Как я поеду? Куда я его дену теперь? С собой брать, что ли?

– Ну, тут уж не знаю. Ты же у нас глава семейства. Большого семейства, Андрюша! Решай. Ответственность-то теперь тоже большая. Дети – это тебе не соболей за хвосты дёргать. Тут придётся изворачиваться как-то. Так что решай, Андрюша. Может, и решишь чего. Да? А у меня вот своих забот полно. Мать третий месяц пишет, что больная, а я всё никак не проведаю. Что ж я, чужая ей, что ли? Семья ведь! Вот у тебя семья – дети, бабы какие-то. А у меня – мать. Обождёт твоя река. Выйдешь в сентябре, как все нормальные люди. Займёшь у Лихачёвых ещё одну лодку, нагрузишь и одним махом всё вывезешь. Не переломишься. Только до сентября реши, куда семейство своё пристроить, а то, не ровен час, по миру пойдём, пока ты там, в лесу, прохлаждаться будешь.

– Ну что ты делаешь, стерва? Ну накой ты жизнь ломаешь? Ты же сама детей хотела! Не вышло у нас, так, может, Бог нам так помогает? Ну, включи ты башку-то свою бабскую!

Она отложила вещи, подошла к Андрею почти вплотную и, глядя в глаза, проговорила:

– Я, может, и стерва, Андрюша, да только стыда такого сроду не знала. Если тебе есть чем крыть, то ты скажи. А коли нечем, так реши вопрос, как настоящий мужик реша-

ет. Вон бывшая твоя умеет решать! И молодец! Вот у неё и учись! А твоя нынешняя баба пока свои бабские вопросы порешает. Так что бывай, муженёк. Как говорится, до новых волнующих встреч!

С этими словами Анна взяла упакованный чемодан и вышла вон, громко хлопнув дверью. В доме стало тихо. Пашка лежал с закрытыми глазами и старался не дышать. Папа ходил по дому, скрипя половицами, громко сопел и хрустел костяшками.

– Спишь, что ли? – спросил он, когда немного успокоился.

– Нет, – робко ответил Пашка и приоткрыл глаза.

Папа сидел на табуретке, опершись большими ладонями о колени, и смотрел на него.

– А тётя на меня рассердилась, да?

– Нет. Не на тебя. Не бери в голову.

– А на кого?

– На меня.

– А что ты сделал?

– Мать твою однажды повстречал.

– А это плохо?

Андрей посмотрел на сына, хмыкнул и даже слегка улыбнулся.

– Для тебя так точно не плохо. Вон какой получился. Чё ты так рано проснулся-то?

– Тётя разбудила. Громко разговаривала.

Андрей понимающе кивнул.

– А как её зовут?

– Аня.

– Она твоя жена?

– Да, жена.

– А она вернётся?

– Слушай, чё ты такой любопытный-то? Я таким не был. Ты молчать умеешь вообще?

– Умею.

– Так молчи, ёлки-палки. Спи вообще! Рано ещё.

Андрей вышел, а Пашка перевернулся на другой бок и попробовал уснуть. Но сон не шёл. Тогда он спрыгнул с кровати и подошёл к окну. Солнце едва поднялось над горизонтом, и по широкой реке искрили его разноцветные отблески. Пашка даже ахнул от восторга. Он никогда раньше не видел столько воды!

Вернулся папа, и Пашка тут же задал очередной вопрос.

– А у тебя собака есть?

– Есть. Три.

– Ого! А они кусаются?

– Если разозлить, кусаются.

– А меня покусают?

Андрей вдруг заметил, что выговор у его сына как у медвежонка Умки из старого советского мультфильма. Сходство было настолько очевидным и забавным, что суровый промысловик не сдержался, улыбнулся.

– Ты есть-то хочешь, Умка?

Пашка кивнул, и папа вышел. Через пять минут мальчик уже вовсю уминал краюху ароматного хлеба, запивая прохладным молоком из эмалированной кружки. Отец сидел напротив и внимательно наблюдал, разглядывал. От этого Пашка чувствовал себя неловко, но завтрак был настолько вкусным, что оторваться было невозможно.

День первый

Андрей снова принялся возиться с понягой. Укладывал какие-то вещи, вязал узлы. Пашка с интересом наблюдал за отцом и старался понять, как эта штука работает и для чего она вообще нужна. Ему нравилось, что диковинный предмет сделан из деревяшек. Он раньше никогда таких не видел. А папа всё суетился, выходил из дому, возвращался, принося с улицы ещё более интересные вещи. Один только нож чего стоил! Огромный, с зазубринами, в кожаных ножнах. Он был таким блестящим, что в его металле всё отражалось как в зеркале.

Затем папа принялся распаковывать пакеты с его вещами. Он просто вывалил всё на кровать и стал откладывать в сторону куртку, штаны, зимние ботинки, носки и шапки. Спросил, есть ли у него резиновые сапоги, а получив отрицательный ответ, вздохнул и смешно цыкнул языком. Пашке стало интересно, получится ли у него так же. Попробовал. Получилось. Андрей это заметил и снова усмехнулся.

– Ты в лесу-то хоть раз бывал, Умка?

– Бывал, – сказал Пашка и хихикнул. Ему показалось забавным слово «бывал». Раньше он всегда говорил «был». А «бывал» – ни разу. Смешное слово.

– В тайге?

– Не знаю, – пожал плечами Пашка, – может, и в тайге. Мы с бабушкой один раз по грибы ходили. Грибы в тайге растут?

– Растут… – пробормотал Андрей, пакуя тёплые детские вещи в небольшой рюкзак. Ему он достался от тестя. Детский рюкзак. Брезентовый. Думал, что уже никогда не сгодится, а тут вон как жизнь обернулась.

Когда вещи были упакованы, он прикинул вес на руку и поморщился. Видать, тяжеловата ноша для мальца. Если не потянет, придётся часть выбросить.

– Ну-ка, прикинь.

– Это как это? – не понял Пашка.

– Вставай. Надевай на плечи. – Он помог продеть руки под лямки. – Вот так. Ну что? Тяжело?

– Не очень. – Пашка улыбался до ушей. Ему очень нравился рюкзак. Не школьный, конечно. Старый какой-то и пахнет странно. Но уже то, что сумка висит на спине и от этого держать её не тяжело, было здорово.

– Идти сможешь?

– Конечно! У меня же вон – ноги есть!

Недоумение мальчика было настолько искренним, что Андрей от души рассмеялся. Ну, Умка Умкой! Смешной. Была бы жизнь попроще, может, даже и обрадовался бы сы-

ну. Да только всё не так просто, как кажется в шесть с небольшим.

Хороший малец. Смышлёный и не нытик. Может, и срастётся задуманное. Только бы не подвёл…

Когда Пашка сел в лодку, его восторгу не было предела. А когда папа завёл мотор и тот заурчал, восторг перерос в настоящее счастье. Они отчалили от берега, и чёрная речная вода забурлила за кормой. Мальчик сидел как заворожённый и с открытым ртом глазел на всё вокруг. На белый туман, стелящийся над рекой, на уток, летящих в этом тумане. Лодка шла неспешно, но уверенно. Пашке очень хотелось порулить, но он так и не решился спросить разрешения.

А впереди вдоль берега возвышались сосны. Высокие, косматые, с острыми верхушками. Такие Пашка видел только на картинках. В книжках с русскими сказками. Бабушка читала ему их перед сном. И самая любимая сказка была о Маше, которая заблудилась в лесу и попала в дом к медведю. Он именно таким и представлял тот лес: высокие старые деревья, под кронами которых всегда сумрачно и страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.